

ГЕНЕЗИС ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н.А. БЕРДЯЕВА

В статье анализируется формирование наиболее ранних историософских представлений Н.А. Бердяева – генезис его историко-социологической концепции, сформировавшейся в период увлечения философа критическим марксизмом. Автор рассматриваются как индивидуальные психологические особенности Н.А. Бердяева, способствовавшие его обращению к учению К. Маркса с последующей его критической интерпретацией, так и тот социально-психологический и теоретико-методологический контекст, в котором формировались и трансформировались взгляды мыслителя. В статье детально характеризуются онто- и гносеологическая составляющие представлений Н.А. Бердяева о направленности и главных движущих силах исторического процесса, а также раскрывается характер взаимосвязей между научной и ценностно-мировоззренческой составляющими его историософской концепции.

В марте 2004 г. исполняется 130 лет со дня рождения выдающегося отечественного мыслителя, публициста и общественного деятеля Николая Александровича Бердяева (1874–1948). Эта памятная дата, безусловно, усилит и без того неослабевающий интерес к различным аспектам жизни и творчества философа. В этой связи представляется целесообразным обратить внимание читателей на важный, но недостаточно изученный этап его мировоззренческой эволюции – время формирования историко-социологических взглядов молодого Бердяева – Бердяева критического марксиста (1898/1899–1900 гг.). Анализ данного сюжета позволит получить более адекватное представление не только о генезисе философских, а в особенности историософских, идей мыслителя, но и о специфике восприятия марксизма российской интеллигенцией конца XIX – начала XX в.

Н.А. БЕРДЯЕВ И КРИТИЧЕСКИЙ МАРКСИЗМ

Самые первые суждения Н.А. Бердяева об обществе и его развитии представлены в статье «Ф.А. Ланге и критическая философия», первоначально опубликованной в 1899 г. в органе немецкой социал-демократии в журнале «Новое время» (в России в 1900 г.) и вызвавшей интерес германских марксистов, и в ставшей не менее известной на родине философа монографии «Субъективизм и объективизм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском» (1900 г.). Последняя работа наиболее полно отражает ранние исторические взгляды мыслителя периода его увлечения критическим марксизмом.

Не претендуя на создание целостного психологического портрета Н.А. Бердяева или исчерпывающую характеристику русского марксизма, обозначим психологические и социокультурные причины обращения философа к учению К. Маркса с последующей его критической интерпретацией. Интерес Н.А. Бердяева к марксизму был во многом закономерным этапом его формирования как личности и как философа. Он был обусловлен и индивидуальными особенностями психики мыслителя, и общими тенденциями развития российской общественной мысли конца XIX в.

Будучи человеком с богатым внутренним миром и тонкой душевной организацией, Н.А. Бердяев остро ощущал психологический дискомфорт и духовное одиночество и в кругу семьи, и в мире военно-бюрократической аристократии, к которому он принадлежал по рождению, и среди однокашников по Владимирско-Киевскому кадетскому корпусу. Чувство «неукоренённости» в окружающем мире вылилось у интеллектуально одарённого и склонного к рефлексии юноши в напряжённые философ-

ские размышления, характеризующиеся ранним сознанием того, «что мир, общество, цивилизация основаны на неправде и зле» [1. С. 112], и страстным желанием «не только познать истину и смысл, но и изменить мир согласно истине и смыслу» [1. С. 89]. «Ещё до моего поступления в университет и до встречи с марксистскими кругами у меня определились революционные и социалистические симпатии» [1. С. 116]. Именно эта мировоззренческая установка предопределила его разрыв с внешне регламентированным, но внутренне бездуховным «традиционным аристократическим миром» и поступление в Киевский университет Св. Владимира (1894 г.).

Российское студенчество конца XIX в. находилось в сложном материальном положении и испытывало серьёзные правовые ограничения. Во многом благодаря этому данная социальная группа являлась одной из наиболее политически активных частей отечественной интеллигенции. Как отмечают исследователи, «в России вплоть до февраля 1917 г. существовало два непримиримых полюса: самодержавие и радикальная интеллигенция со своей молодой частью» [2. С. 3]. Бурная студенческая жизнь, тесно связанная с освободительным движением, существенно расширила интеллектуальные горизонты Н.А. Бердяева. Поиски философской системы, способной решить взаимосвязанные для мыслителя задачи познания и гармонизации бытия, неизбежно направляли его в лоно марксизма, различные интерпретации которого оказывали в 90-е гг. XIX в. серьёзное влияние на теоретико-методологические и общественно-политические представления значительной части русской интеллигенции. «Во всех высших учебных заведениях студенты и курсистки разделились на два враждебных стана – марксистов и народников, – и пошла между ними перманентная словесная канонада ...», – писал об идейно-политической ситуации, сложившейся в высшей школе России в рассматриваемый период, известный отечественный историк А.А. Кизеветтер [3. С. 157].

Ёмкая и важная для дальнейшего анализа взглядов философа характеристика, объясняющая социально-психологические предпосылки этой популярности идей К. Маркса, содержится в работе российского социал-демократа, журналиста и философа Н.В. Вольского (Н. Валентинова). «Мы обеими руками хватали марксизм потому, – вспоминал он, – что нас увлекал его социологический и экономический оптимизм, эта фактами и цифрами свидетельствующая крепчайшая уверенность, что развивающаяся экономика, развивающийся капитализм (отсюда внимание к нему), разлагая и стирая основу старого общества, создают новые общественные силы (сре-

ди них и мы), которые непременно повалят самодержавный строй со всеми его гадостями. Свойственная молодости оптимистическая психология искала и в марксизме находила концепцию оптимизма» [4. С. 50].

На эвристическую значимость тех или иных положений концепции К. Маркса указывал в этот период и целый ряд известных ученых-обществоведов, философов и общественных деятелей – С.Н. Булгаков, Н.И. Кареев, В.О. Ключевский, М.М. Ковалевский, П.Н. Милюков, Д.М. Петрушевский, Г.В. Плеханов, А.Н. Савин, П.Б. Струве, Е.В. Тарле, М.И. Туган-Барановский и ряд других представителей научной общественности [5. С. 349–350]. В частности, П.Б. Струве с восторгом писал: «Нетрудно вполне отчётливо увидеть, какие великие умственные течения сливаются в один мощный поток в духовном творчестве автора «Капитала». Во-первых, идеалистическая немецкая философия плюс её позитивистическое отрицание в лице Фейербаха, во-вторых, французский социализм, и, в третьих, английская политическая экономия» [6. С. 64].

Вступив в студенческий марксистский «Центральный кружок саморазвития», а затем, став членом организованного в 1896 г. киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», Н.А. Бердяев быстро освоил марксистскую литературу, с головой окунулся в практическую деятельность: читал лекции и доклады, переводил из-за границы нелегальную литературу, встречался в Швейцарии с Г.В. Плехановым и Л.И. Аксельрод, контактировал с рабочими. Впоследствии сам мыслитель выделил целый комплекс причин своего юношеского интереса к марксизму: «1) я не мог примкнуть к социалистам-народникам или социалистам-революционерам, как они стали именоваться. Мне был чужд психологический тип старых русских революционеров. Я не был народником по своим взглядам (здесь и далее пункты выделены мною. – К.Ш.). 2) Кроме того, меня отталкивал пункт о терроре, к которому я всегда относился отрицательно. ... 3) В марксизме меня более всего пленил историософский размах, широта мировых перспектив. ... 4) Марксизм конца 90-х годов был, несомненно, процессом европеизации русской интеллигенции, приобщением её к западным течениям, выходом на большой простор... 5) Марксизм раскрывал возможности победы революции, в то время как старые революционные направления потерпели поражение. У меня была потребность осуществить в жизни свои идеи, я не хотел оставаться отвлечённым мыслителем. ... 6) Киев был одним из главных центров социал-демократического движения того времени, там была подпольная типография, издавалась революционная литература, были сношения с эмиграцией, группой Плеханова, Аксельрод и В. Засулич» [1. С. 118, 120].

В то же время в «революционном мире» мыслитель столкнулся с философской необразованностью, атмосферой интеллектуального доктринерства, стремлением рассматривать мировоззренческие проблемы с точки зрения политической целесообразности. По мнению Н.А. Бердяева, это неизбежно приводило к стагнации философских оснований марксизма, потере им статуса полноценной философской концепции. Позднее, в своей знаменитой статье в сборнике «Вехи» Н.А. Бердяев так охарактери-

зовал данную психологическую особенность русской леворадикальной интеллигенции: «Прежде всего бросается в глаза, что отношение к философии было так же малокультурно, как и к другим духовным ценностям: самостоятельное значение философии отрицалось, философия подчинялась утилитарно-общественным целям. Исключительное, деспотическое господство утилитарно-морального критерия, столь же исключительное, давящее господство народолюбия и “пролетаролюбия”, поклонение “народу”, его пользе и интересам, духовная подавленность политическим деспотизмом, – все это вело к тому, что уровень философской культуры оказался у нас очень низким, философские знания и философское развитие были очень мало распространены в среде нашей интеллигенции» [7. С. 24–25].

Последовавший 12 (25) марта 1898 г. арест по делу киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и дальнейшее двухлетнее следственное разбирательство навсегда отстранили мыслителя от практической революционной деятельности, дав ему возможность осуществлять дальнейшую теоретическую разработку взглядов К. Маркса (содержащих не только комплиментарную взглядам Н.А. Бердяева характеристику развития капиталистического социума, но и проникнутые оптимизмом прогноз общественного развития и социальный идеал) с учётом последних достижений философской мысли конца XIX в.

Раннее знакомство с философской классикой (прежде всего с трудами И. Канта, оказавшими наибольшее влияние на бердяевское мировоззрение); антидогматизм как одна из характерных особенностей мышления философа; прослушанные Н.А. Бердяевым лекции профессора Киевского университета кантианца Г.И. Челпанова, который читал и необязательный курс критики марксизма, а также в целом присущий российской философской культуре конца XIX – начала XX в. повышенный интерес к различным школам западно-европейского кантианского и неокантианского движения стимулировали пересмотр мыслителем философских оснований марксизма.

Наряду с этим тесное общение Н.А. Бердяева с П.Б. Струве и М.И. Туган-Барановским – лидерами критического направления в русском марксизме; ревизия теоретических и политических идей К. Маркса немецкими социал-демократами (Э. Бернштейн) и достаточно широкое распространение в России в конце XIX в. идей немецкого «этического социализма» (К. Форлендер, Л. Вольгман) способствовали тому, что философ по-новому взглянул и на идейно-политическую составляющую этого учения. Тем самым, к 1898–1899 гг. Н.А. Бердяев окончательно перешёл на позиции критического марксизма.

Критический марксизм был не долгим по времени существования (1893–1901 гг.), но значимым по сути философским и общественно-политическим течением русской общественной мысли, представленным именами П.Б. Струве (основоположник и идеолог течения), М.И. Туган-Барановского, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева и С.Л. Франка. В сфере идеологии это направление было «стыковым» явлением социального сознания и самосознания, рождённым на пересечении целого ряда процессов: усвоения русской интеллигенцией марксизма, отрицания российской социал-демократией народни-

ческой историософии и политической программы, идейно-теоретического и социально-политического оформления либерализма в России [8. С. 287–288]. Поэтому в общественно-политических взглядах критических марксистов органично соединялись как требования улучшения материального и социального положения рабочего класса и развития производительных сил общества, так и стремление к демократическим свободам и защите прав личности, отрицание революционной борьбы. В области философии и историософии данное течение характеризовалось, по выражению его идеолога, «стремлением сочетать идеи критической философии с жизнеспособными основными теоретическими и практическими идеями Маркса» [9. С. 5].

Как и произведения других критических марксистов, прежде всего П.Б. Струве и М.И. Туган-Барановского, имевшие наибольший общественный резонанс, монография Н.А. Бердяева «Субъективизм и объективизм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском» имела двоякую направленность. С одной стороны, мыслитель включился в возобновлённую П.Б. Струве дискуссию с народниками о путях и способах дальнейшего развития российского общества (возможность и желательность капитализма в России). Масштабное идеологическое наступление на народничество было начато ещё в 80-х гг. XIX в. группой «Освобождение труда». Толчком к новому всплеску споров между марксистами и представителями народничества послужила публикация в 1893 г. в еженедельнике «Sozialpolitisches Centralblatt» полемической статьи П.Б. Струве «К вопросу о капиталистическом развитии России», основные идеи которой были развёрнуты автором на страницах монографии «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» [10. С. 146, 169–170]. Не случайно объектом философской критики Н.А. Бердяева стали личность и творчество (взаимосвязь между философскими, социологическими и идейно-политическими взглядами) Н.К. Михайловского – одного из признанных идеологов народнического движения. С другой стороны, учёный, также как и другие критические марксисты, стремился соединить «известные общественные взгляды (т.е. марксизм. – К.Ш.)» с философским идеализмом [11. С. 217].

Вместе с тем, и это вполне естественно, книга мыслителя обладала и присущими только ей особенностями. В отличие от П.Б. Струве и, особенно, М.И. Туган-Барановского, которые рассматривали марксизм, в первую очередь, в качестве социального и политэкономического учения и, соответственно, подвергали критике экономические и социологические идеи народничества, Н.А. Бердяев касался более широкого круга проблем. В частности, известный исследователь бердяевской философии В.А. Кувакин подчёркивал, что работа учёного «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» затрагивала «самые различные вопросы – от специальных проблем гносеологии до проблем общества и личности, общественно-го процесса и идеала, этики и философии истории» [12. С. 142]. При этом Н.А. Бердяев существенно реинтерпретировал марксистскую философию истории, вступив в полемику с ортодоксальными сторонниками учения К. Маркса. В качестве системообразующего элемента, обес-

печивающего внутреннюю связь и функционирование данных представлений, выступало социологическое понимание исторического процесса.

СОЦИОЛОГИЗИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ: НАУЧНАЯ ТЕОРИЯ ИЛИ ОБОСНОВАНИЕ «СОЦИАЛЬНОГО ИДЕАЛА»?

Исходным пунктом бердяевских размышлений о характере и направленности истории было желание не просто выявить те или иные закономерности общественного развития, а построить систему «объективной правды», которая бы органично сочетала правду-истину и правду-справедливость, когда субъективные представления мыслителя о сути и надлежащем ходе исторического процесса полностью соответствуют объективным тенденциям социальной динамики [13. С. 131]. Таким образом, как это не парадоксально, можно говорить о схождении социально-психологических (ментальных) оснований концепции мыслителя и критикуемых им идей Н.К. Михайловского.

По мнению известного итальянского слависта профессора Венецианского университета В. Страда, такая установка интеллигентского сознания была обусловлена общеевропейским процессом секуляризации христианской религии (конец XVIII – начало XX в.), который в России носил особый общественный характер и отличался значительной продолжительностью и интенсивностью. «Новым институтом, частично заменившим духовенство среди городского меньшинства русского населения стала интеллигенция. Она была своего рода светским священством, взявшим на себя заботу о справедливости и истине в соединении с радикальной общественной практикой, которая тем самым приобретала абсолютное этическое, а не прагматически политическое значение» [14. С. 30].

Принимая во внимание бурное социально-экономическое развитие российского общества второй половины XIX в. и западно-европейского индустриального социума XIX в., а также демонстрируя своё духовное и общественно-политическое единство с отечественными социал-демократами, Н.А. Бердяев рассматривал в качестве основания собственных исторических представлений своеобразно интерпретированный марксизм, уделявший наибольшее внимание именно социально-экономическому субстрату исторического процесса. «Исторический материализм, – указывал мыслитель на особенности своего подхода к этой доктрине, – *социологическое* (выделено Н.А. Бердяевым. – К.Ш.) учение по преимуществу и выгодно отличается в этом отношении от других направлений» [13. С. 179]. Давая терминологические пояснения, философ писал: «Выражение “исторический материализм”, конечно, лучше совсем уж бессмысленного словосочетания “экономический материализм”, но всё-таки неудачно. Слово “исторический” здесь не годится, потому что это – доктрина социологическая, а не историческая, слово же “материализм” неудачно потому, что основой исторического процесса с этой точки зрения вовсе не является “материя”» [13. С. 257–258]. Очевидно, что подобная социологическая трактовка марксизма не совсем адекватно отражала суть этого учения, а была полемически направлена против народников, которые,

опираясь на знаменитое письмо К. Маркса к Н.К. Михайловскому, полагали, что сам немецкий философ не верил в существование абстрактных законов общественного развития, а его теория была историческим очерком генезиса капитализма в Западной Европе [15. С. 45–46].

По мнению Н.А. Бердяева, исторический процесс совершается в строгом соответствии с положениями «исторического материализма» [13. С. 187]. Вместе с тем, философ характеризовал данную концепцию как «учение, мало разработанное в своих философских и гносеологических основаниях» [13. С. 241]. Современному читателю, который часто воспринимает марксизм исключительно как историческую систему, такое понимание учения К. Маркса может показаться внутренне противоречивым. Однако сами отечественные адепты марксизма конца XIX – начала XX в. рассматривали его именно как научную теорию. «Социологическое учение Маркса, известное под названием экономического (исторического, диалектического) материализма или материалистического понимания в истории, генетически связано с метафизическим материализмом, но, по своему существу, является независимым от какой-либо метафизической доктрины и есть построение, относящееся исключительно к сфере положительной науки» [16. С. 664]. В условиях «гносеологического переворота», связанного с различными интерпретациями философии И. Канта, слабость марксистского философского и социологического методологического инструментария неизбежно заставляла Н.А. Бердяева детально разрабатывать методологическую проблематику собственной концепции.

Критикуя «субъективный метод» народнической социологии, мыслитель отстаивал возможность объективного познания исторической действительности. Считая наивной марксистскую «теорию отражения», мыслитель, тем не менее, аналогичным образом исходил из тождества бытия и мышления [13. С. 102; 17. С. 237, 241]. В отличие от гносеологии ортодоксального марксизма эта идентичность объяснялась учёным сосуществованием в психике познающего субъекта двух типов сознания: общечеловеческого трансцендентального и субъективного психологического. Вслед за И. Кантом и представителями марбургской школы неокантианства Г. Когеном и А. Рилем Н.А. Бердяев полагал трансцендентальное сознание вместилищем логических и этических *a priori*, служащих предпосылками и инструментами всякого человеческого познания [13. С. 195, 172, 184; 17. С. 229–230]. Среди них философ особо выделял идею внутренней законосообразности изучаемых процессов и явлений общественной жизни (логическое *a priori*) и идею социального прогресса, связанного с наличием общеобязательной цели (этическое *a priori*) [13. С. 186].

Это стремление к обоснованию всеобщих законов и ориентиров общественного развития было для мыслителя, с одной стороны, частичной рецепцией неокантианской теории ценностей, с другой – актуализацией позитивистских идей закономерности и прогрессивности исторического процесса, выступавших в качестве контраргумента идее своеобразия России в ходе полемики критических и ортодоксальных марксистов с народниками, которая давала возможность говорить о сущностном единстве социокультурных процессов, происходящих в российском и западно-европейском обществах.

Вместе с тем обоснование бытия этих *a priori*, играющих важную онто- и гносеологическую роль в исторической концепции Н.А. Бердяева, осуществлялось учёным скорее средствами религиозной веры, нежели научной методологии. В частности, он писал: «Различие между худшим и лучшим, между добром и злом дано *a priori* нашему трансцендентальному сознанию, мы сами вносим в исторический процесс регулятивную идею общеобязательной цели, и на этом незыблемом основании мы санкционируем его, как прогресс. Человек, как самоцель, царство человечности, человеческой силы и сознательности – вот наша путеводная звезда. *Истинность этой идеи не может быть доказана, как не может быть доказана всеобщая применимость принципа причинности* (выделено мною. – К.Ш.), но без этого априорного принципа мы были бы нравственно слепы и не умели бы отличить в окружающей нас жизни справедливого, человеческого и прогрессивного от несправедливого, бесчеловечного и реакционного» [13. С. 145–146].

Степень проникновения указанных *a priori* в сознание познающего и действующего индивида, считал Н.А. Бердяев, находится в прямой зависимости от качественных параметров его психологического сознания (опираясь на идеи баденской школы неокантианства, В. Вундта и Ф. Ницше, он говорил о примате практического разума над теоретическим), т.е. стремлений и желаний человеческой личности. Содержание психологического сознания, полагал мыслитель, обуславливается двумя моментами. Во-первых, принадлежностью индивида к одному из общественных классов (феодалы, буржуазия, пролетариат) по рождению, во-вторых, влиянием на личность настроений и стремлений того класса, взгляды которого человек начал разделять в результате приспособления к социальной среде, т.е. к современному этой личности психологическому взаимодействию отдельных классов [13. С. 110–111, 174, 201].

Таким образом, объективность анализа общественного развития, как и у ортодоксальных марксистов, в конечном счёте оказывалась у философа зависимой, в первую очередь, от классовой психологии познающего субъекта. Но при этом создавалось впечатление, что гносеология Н.А. Бердяева, а следовательно, и его историческая концепция опираются на гораздо более прочный и широко признанный в России и Западной Европе в конце XIX – начале XX в. фундамент философии И. Канта. Это давало мыслителю право говорить о возможности не релятивного, а объективного познания процессов и явлений общественной жизни, постулировать наличие всеобщих исторических закономерностей. Однако использованные учёным способы аргументации наглядно демонстрируют подчинённую роль его методологического инструментария.

Конец XIX в. стал для отечественной и мировой социологической мысли временем кризиса биолого-натуралистических теорий общественного развития [18. С. 92]. Поэтому, критикуя применение биологических абстракций и аналогий при анализе общества, которое, по мнению Н.А. Бердяева, было присуще Н.К. Михайловскому как представителю первого позитивизма, мыслитель подчёркивал особый статус социальной реальности. «Несомненно, что социальный процесс есть

частный случай общего процесса жизни, – писал он, – что в нём также господствует принцип борьбы за жизнь и приспособление к условиям существования, как и в процессе зоологическом, но, тем не менее, социальные явления представляют принципиально новый класс явлений, это высший продукт космического и органического развития» [13. С. 241].

Стремясь к идеальным культурным ценностям, уделяя большое внимание внутреннему миру человека, философ разделял убеждения сторонников психологического направления в социологии, занимавшего в конце XIX – начале XX в. ведущие позиции в отечественной социологической мысли [19. С. 63; 20. С. 111–128]. Сводя сущность социального к психике, он подчёркивал, что исторический процесс «целиком совершается в психической среде» [13. С. 149]. Возможно, интерес Н.А. Бердяева к психологической составляющей общественного развития сформировался под влиянием именно Н.К. Михайловского, который, как полагают исследователи, был пионером социально-психологической науки в России. Не случайно, вспоминая свои юношеские годы, учёный писал: «Из идеологов народнического социализма прошлого я читал главным образом Н.К. Михайловского. Я ценил его как социолога, хотя его философские основы мне казались слабыми» [1. С. 116].

При этом, находясь на позициях психологического монизма, Н.А. Бердяев критически относился к любым попыткам противопоставить в рамках общественного развития «материальное» и «идеальное» (базис и надстройку). «*Исторический материализм, монистический по своему духу, не должен видеть внутри исторического процесса дуализма духа и материи, психического и физического; для него есть только единое* (выделено Н.А. Бердяевым – К.Ш.) *социальное, и это единое с философской точки зрения есть психическое*» [13. С. 151, 152], – отмечал мыслитель. Тем самым, методология учёного, сформировавшись под ощутимым влиянием идеалистической философии (неокантианство, философия жизни), значительно отличалась от гносеологических построений отечественных обществоведов-позитивистов (Н.И. Кареев, П.Н. Миллюков), которые хотя и признавали значимость психологии в жизни социума, в то же время настаивали на равнозначности материального и идеального факторов общественного развития.

Большое значение для философа имела историчность наших представлений о сознании различных социальных и этнических групп. Как подчёркивал мыслитель, «психологический метод требует, чтобы мы понимали и объясняли психологию людей и их действия на арене истории не со своей субъективной точки зрения, а с точки зрения их исторической эпохи» [13. С. 152–153].

Подход Н.А. Бердяева к анализу социальной структуры общества сформировался под влиянием идей К. Маркса и Г. Зиммеля. Опираясь на ключевые для науки об обществе конца XIX – начала XX в. термины «социальное взаимодействие» и «социальная группа» [21. С. 12–13], он рассматривал любой социум как «психическое взаимодействие личностей, возникшее на почве преследования совместных целей» [13. С. 216]. В борьбе за своё существование, полагал Н.А. Бердяев, люди «становятся друг к другу в определённые обще-

ственные отношения» [13. С. 159–160], образуя так называемую «социальную среду» – совокупность социальных учреждений [13. С. 201]. В то же время, наполняя понятие «социальная группа» конкретным содержанием, учёный прежде всего акцентировал внимание на делении общества на классы и межклассовых противоречиях [13. С. 110–111, 142, 173–174]. С этих позиций философ, как и другие ортодоксальные и критические марксисты, указывал на теоретическую слабость идеи народников о существовании двух элементов любого социума – народа и интеллигенции. «Расчленение общества на “интеллигенцию” и “народ” до такой степени не выдерживает социологической критики, что даже критиковать его не стоит» [13. С. 287], – подчёркивал Н.А. Бердяев.

Говоря об историческом процессе, философ, как и при характеристике общественной структуры, строил свои размышления на основе сочетания представлений К. Маркса и Г. Зиммеля, а также Г. Спенсера. Как и для К. Маркса, история для Н.А. Бердяева была двуединым процессом: борьбы человека с природой для поддержания жизни и постоянной борьбы классов (борьбы человека с человеком) [13. С. 173–174]. «Важнейшей философско-социологической заслугой Маркса мы считаем ту мысль, что отношение человека к человеку определяется отношением человека к природе. Иначе это можно выразить так: общественные отношения людей определяются степенью власти над природой. Эту власть, это могущество мы и называем производительными силами. Отсюда экономический вывод, что производственный момент господствует над всеми остальными» [13. С. 242].

Стремясь выжить, человек противопоставлял природе рукотворный мир – социальную среду. Согласно мыслителю, её качественные параметры находились в прямой зависимости от уровня развития производительных сил. Полемизируя с ортодоксальными марксистами, понимавшими под этим термином прежде всего средства производства [22. С. 127], Н.А. Бердяев, подчёркивал, что производительные силы не являются «неким фатумом, лежащим вне живого человека и со стороны управляющего им» [13. С. 173]. По его мнению, они были и остаются всего лишь отражением растущего сознания человека, а степень их совершенства – зримым проявлением меры власти человека над природой [13. С. 185].

Вслед за Г. Спенсером и Г. Зиммелем, важнейшим следствием развития производительных сил учёный считал социальную дифференциацию – постоянное нарастание и усложнение социальной среды [13. С. 203], которые проявляются не столько в социальном неравенстве, сколько в «факте общественного разделения труда» [13. С. 201]. Социальная дифференциация имела противоречивые последствия.

С одной стороны, она вела к появлению антагонистических общественных групп и классов (рабы и рабовладельцы, крестьяне и феодалы, буржуазия и пролетариат). Корень социальных противоречий философ видел в ограниченности «типической классовой психологии» (но не отдельных представителей того или иного класса). «Например, крупный землевладелец-аристократ, – пояснял свою мысль Н.А. Бердяев, – привык смотреть на жизнь сквозь особенные очки, его своеобразная психика, которую он всосал в себя с молоком матери, мешает ему понять кре-

стьянина, держит его душевную жизнь. Также чужд для него городской буржуа, выскочка-капиталист, на которого он не может не смотреть свысока, пока, наконец, сила жизни не заставит его склонить гордую голову. Типичный сын третьего сословия – буржуа не может понять и прочувствовать жизни рабочего, его горестей и радостей, его стремлений к лучшему будущему, так как его собственные стремления органически направлены к сохранению того порядка жизни, который обеспечивает за ним место “хозяина исторической сцены”, а его воззрения санкционируют эти стремления» [13. С. 111].

С другой стороны, полемизируя с народническим идеалом однородного общества (простой кооперации), философ указывал, что рост социальной дифференциации способствовал и способствует всё большему проникновению в сознание человека указанных *a priori* существующих идеалов абсолютной истины и справедливости. «Для социологии в личности нет другого содержания, кроме того, которое вкладывает в неё социальная среда» [13. С. 201], – отмечал Н.А. Бердяев. Поэтому «личность тем более дифференцирована и разнородна, тем более развита, чем разнообразней, чем дифференцированнее окружающая её социальная среда, чем более она подвергается воздействию разнородных сил» [13. С. 202].

Другими словами, несмотря на социальные противоречия, мыслитель, как и другие критические марксисты, был уверен в закономерности и прогрессивности общественного развития. «Историческая действительность знает самые ужасные унижения человека, и причиной этих унижений часто считается прогресс. Это оптический обман. Цель и результат прогресса всегда есть возвышение человечества; всякое унижение есть только признак того, что прогресс ещё многого не успел сделать» [13. С. 188]. Поэтому Н.А. Бердяев также подчёркивал эволюционный (механистический) характер социальных изменений и считал логически нелепыми разделяемые ортодоксами теории «социальной катастрофы» и «обнищания рабочего класса» [13. С. 120, 180], уделяя в отличие от народников и от ортодоксальных марксистов основное внимание демонстрации плюсов становящегося капиталистического общества [13. С. 296–298].

Отмечая универсальность исторического процесса, обусловленного экономическим развитием и процессами социальной дифференциации, философ почти ничего не говорил о локально-исторической специфике того или иного общества. Мыслитель выделил только одну дуальную оппозицию, противопоставляя западно-европейскую и восточную цивилизации. Взаимные отличия данных социумов объяснялись Н.А. Бердяевым не природными и социокультурными условиями их существования, а недостаточным по сравнению с Западной Европой и США уровнем развития производительных сил на Востоке и, соответственно, слабой социальной дифференциацией восточных обществ, которая, по мнению учёного, была источником господствующего там социального неравенства, неразвитости и недифференцированности человеческой личности [13. С. 205].

Эволюционируя, общество проходит в своём развитии ряд этапов. Не предлагая читателю чёткой периодизации, Н.А. Бердяев, тем не менее, говорил как о последовательно сменяющих друг друга первобытнообщин-

ном, рабовладельческом, феодальном и современном ему капиталистическом периодах.

В рамках каждого этапа общественного развития (за исключением первобытного общества) сосуществуют антагонистические классы. Стремления и желания представителей одного из них – исторически прогрессивного класса всегда в наибольшей степени согласуются с тенденциями социального прогресса. На капиталистической стадии, с точки зрения мыслителя, в качестве такого класса выступал пролетариат. «Городской рабочий, – убеждал своих читателей Н.А. Бердяев, – который по г. Михайловскому есть только “палец от ноги общественного организма”, несравненно развитее, дифференцированнее крестьянина, его жизнь богаче, у него есть общественные и умственные запросы, которых не знает крестьянин, на которые не наводит его сельская жизнь. В дифференцированной общественной среде города зарождается та прекрасная человеческая индивидуальность, которой принадлежит будущее, которую мы ждём и во имя которой работаем» [13. С. 204].

В то же время показательно, что под капитализмом Н.А. Бердяев понимал социально-экономический строй, основанный не на частной собственности на средства производства и наёмном труде, а скорее, на крупном машинном производстве. Существенное влияние на точку зрения мыслителя по данной проблеме могла оказать позиция П.Б. Струве, который выделял широкое (меновое хозяйство) и узкое (развитие крупного централизованного производства) значение термина «капитализм» [23. С. 282]. Косвенно это нашло своё отражение в бердяевской оценке буржуазии. По мнению философа, являясь прогрессивной общественной силой в момент перехода от феодализма к капитализму, к концу XIX в. она срослась с отживающими формами общности, стала препятствием на пути социального прогресса [13. С. 187]. Подобное негативное отношение философа к буржуазии может быть объяснено неспособностью семьи мыслителя вписаться в новые экономические отношения. Несмотря на то что отец мыслителя А.М. Бердяев (1837–1916) долгое время был председателем правления Киевского земельного банка, Н.А. Бердяев писал о семье своих родителей: «Она уже вышла из крепкого, оформленного быта и менее всего приспособилась к новому, буржуазному быту» [1. С. 20].

Примечательно, что во многом следуя теоретическими построениями П.Б. Струве, учёный не разделял его отношения к государству и его роли в общественной жизни. В то время как П.Б. Струве рассматривал государство не только в качестве механизма господства того или иного класса, но и в качестве всеобщего организатора порядка [23. С. 53], Н.А. Бердяев совсем не упоминал об этом важном социальном институте. Такая позиция могла быть обусловлена анархическими чертами мировоззрения философа. «Моим основным аффектом, который первее и сильнее всех умственных теорий и всех осознанных верований, было с детства присущее мне отвращение к государству и власти. Иногда мне кажется, что тут сказывается феодальная закваска» [1. С. 113], – вспоминал мыслитель.

Таким образом, преодоление кризиса идентичности, пережитого мыслителем в юношеском возрасте, проис-

ходило в условиях острейших дискуссий о возможности и желательности капиталистического развития России. Это предопределило преимущественный интерес философа к онтологической проблематике (теории исторического процесса) и присущие его творчеству предельно широкие исторические обобщения.

Внимание к внутреннему миру человека, стремление к абсолютным культурным ценностям, с одной стороны, и бурное развитие российской экономики и связанные с ним кардинальные изменения социальной структуры – с другой, обусловили появление системы идей, в рамках которой характеризовались не обособленные «материальные» или «идеальные» стороны общественного развития. Синтезируя положения марксистской социологии с её экономическим детерминизмом и идеей классового антагонизма и подходы видного немецкого философа и социолога Г. Зиммеля с его вниманием к социальной психологии и процессам социальной организации и социального взаимодействия, Н.А. Бердяев увязывал в единую объяснительную схему психологические, социальные и экономические уровни исторического процесса. Исходя из этого, само общественное развитие учёный трактовал как закономерное, прогрессивное, обладающее имманентной телеологией изменение человеческой психики. «Материальным» субстратом социальной динамики Н.А. Бердяев считал столь же закономерное совершенствование производительных сил и связанное с ним усложнение общественной организации.

Важно отметить, что мыслитель стремился не просто к познанию социальной реальности. Острота полемики о путях дальнейшего развития России и традиционные для российской интеллигенции поиски социальной спра-

ведливости обусловили желание философа не только выявить те или иные закономерности общественного развития, но и построить систему «объективной правды», которая бы органично сочетала правду-истину и правду-справедливость, когда субъективные представления мыслителя о сути и надлежащем ходе исторического процесса полностью соответствуют объективным тенденциям социальной динамики. Объединяя кантовский априоризм, который мыслитель отождествлял с идеями внутренней законосообразности изучаемых процессов и явлений общественной жизни и социального прогресса, связанного с наличием общеобязательной цели, и марксистский тезис о социальной обусловленности познания, Н.А. Бердяев не только обосновывал возможность объективного познания исторического процесса и наличие универсальных закономерностей общественного развития, но и полагал собственную концепцию наиболее адекватным отображением социальной реальности.

Стремление отождествить правду-истину (постоянное совершенствование производительных сил и усложнение общественной организации) с правдой-справедливостью (закономерное, прогрессивное развитие общества и общественного сознания) при рассмотрении исторического процесса не могло не привести к серьёзным внутренним противоречиям. В концепции оказались соединёнными верные, но предельно абстрактные социологические характеристики и слабо обоснованные идеи. В построениях мыслителя достаточно трудно провести чёткую грань между желаемым и действительным ходом исторического процесса; развести общеисторическую теорию и характеристику специфики конкретно-исторических общностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М., 1991.
2. Олесич Н.Я. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1999.
3. Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881–1914 гг. М., 1997.
4. Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953.
5. Струве П.Б. Наши утописты // На разные темы (1893–1901): Сборник статей. СПб., 1902.
6. Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиэвистики середины 70-х гг. XIX в. – начала 90-х гг. Томск, 1969.
7. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910 / Сост. Н. Казакова, В. Шелохаева. М., 1991.
8. Булдаков В.П. Историографическая проблематика «легального марксизма» // Исторические записки. М., 1971. Т. 87.
9. Струве П.Б. Моим критикам // На разные темы (1893–1901): Сборник статей. СПб., 1902.
10. Балуев Б.П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX вв. М., 1995.
11. Письма молодого Бердяева. Публикация и предисловие Д. Барас // Память. Исторический сборник. Париж, 1981. № 4.
12. Кувакин В.А. Религиозная философия в России: Начало XX века. М., 1980.
13. Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском / Сост. В.В. Сапова. М., 1999.
14. Страда В. В свете конца, в предвещии начала // В раздумьях о России (XIX в.) / Отв. ред. Е.Л. Рудницкая. М., 1996.
15. Пустарнаков В.Ф. «Капитал» К. Маркса и философская мысль в России (конец XIX – начало XX в.). М., 1974.
16. Струве П.Б. Маркс // Энциклопедический словарь. СПб., 1896. Т. XVIIIа.
17. Бердяев Н.А. Ф.А. Ланге и критическая философия // Мир божий. Ежемесячный литературный и научно-популярный журнал для самообразования. 1900. Июль.
18. История буржуазной социологии XIX – начала XX в. М., 1979.
19. Красавин В.П. Методологические проблемы социального познания в русской философско-социологической литературе конца XIX в. Пермь, 1974.
20. Кан Л.А. Психологическое направление в русской буржуазной социологии конца XIX – начала XX в. // Из истории буржуазной социологии в дореволюционной России. М., 1986.
21. Галосенко И.А. Русская социология, её социокультурные предпосылки, междисциплинарные отношения, основные представители и направления // Из истории буржуазной социологии в дореволюционной России. М., 1986.
22. Бельтов Н. [Плеханов Г.В.] К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Каресву и комп. СПб., 1895.
23. Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб., 1894.

Статья представлена кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «История» 26 декабря 2003 г.